

В МИРЕ КНИГ

МАСТЕРСТВО ПЕРЕВОДА

Давид Самойлов не приналежит к тем поэтам, за которыми по пятам следует шумная слава. Никогда не поднимало его на гребень «модной волны». Творчество его устойчиво, популярно, имеет своего постоянного читателя. Начав свой поэтический путь еще до войны, он опубликовал первую книгу только в 1958 году, а затем с многолетними паузами выпускал небольшие сборники стихов, которые мгновенно исчезали с прилавков магазинов. Из них в шестидесятилетию поэта сложился всего один итоговый том со скромным названием «Избранное».

В стихах Д. Самойлова разлила редкая для современной поэзии гармония. В его строках — не созерцательность, не равнодушие. Это синтез, итог напряженной душевной работы, за этим стоят высокая культура, ищущая мысль и тонкое чувство, любовь к людям, природе, искусству, способность иметь глубоко личное отношение ко всему.

Творчество Д. Самойлова опирается на лучшие традиции русской поэзии. Его стихи отличают ясность, пластичность и краткость, обвязанная блестящему владению деталью. В Самойлове уживаются лирик и мыслитель — наверное, поэтому ему удается достичь трудного сочетания философичности и легкости, музыкальности стиха. А его поэмы подкупают непринужденностью, естественностью повествования и в то же время — емкостью, насыщенностью каждой строки.

Несколько месяцев назад в Вильнюсе вышла книга «Тень солнца»* — переводы Д. Самойлова из литовской поэзии.

Переводя поэтов разных времен и народов, он чрезвычайно сохранял глубокий интерес к литовской поэзии. Личная дружба, многолетние творческие контакты связывают его с видными литовскими авторами. Он много раз гостил у нас в республике, принимал участие в праздниках «Весна поэзии», семинарах переводчиков. Наверное, одним из таких поэзий навеяно стихотворение «Дворик Мицкевича», пронизанное любовью к янтарному краю. Этим стихотворением, кстати, и открывается книга «Тень солнца».

Круг поэтов, чье творчество по Д. Самойлову хочется приблизить к русскому читателю, не случаен. Конечно, же, есть внутреннее тяготение его поэтической индивидуальности к лирике С. Нерис, А. Малдониса, М. Мартинайтиса, к философской глубине творений В. Мицкайтиса-Путинаса, Э. Межелайтиса, Ю. Марцинкявичюса.

Проблемы поэтического перевода обсуждаются издавна. Возможен ли точный эквивалент стихотворной строчки на другом языке? Вправе ли переводчик оставлять в своей работе след собственной индивидуальности? Давид Самойлов мог бы, видимо, ответить словами Л. Мартынова: «Любой из

нас имеет основание добавить, беспристрастие храня; в чужую скорбь свое негодованье, в чужое тленье — своего огня». Переводы Самойлова — лучшее доказательство тому, что именно добавление «своего огня» позволяет приблизиться к подлиннику, передать внутреннюю энергию чужого стиха. Вот изумительная миниатюра С. Нерис «Сирень»:

Когда не жила я —
Сирень расцвела,
Когда отживу я —
Сирень расцветет.
И вновь опадет,
Как всегда опадала,
От солнца и ветра, и
от непогод.
Цветок, как песок,
На меня упадет.

Переводчик передает и за-
думчивую интонацию, и без-
ыскусность стиха, и даже син-
таксический рисунок, иден-
тичный оригиналу.

Очень точно воспроизводит Самойлов масштабность и мощь поэзии В. Миколайтиса-Путинаса. Великолепный слог и впечатляющая космогония этого поэта до сих пор не стали в полной степени досто-
янством русского читателя:

И дух одинокий,
измученный болью,
Как птица из клетки
взметнется к свободе,
К неведомым звездам,
к непознанным тайнам,
К великому счастью —
для жизни извечной!

Произведения Эдуардаса Межелайтиса переводили, на-
верное, все лучшие советские

поэты. Нелегко передать энергию его мысли, причудливость ассоциаций. Давиду Самойлову удается, не потеряв философского содержания, сохранить теплоту красок, музыкальность — исконные черты литовской поэзии:

Желтеющий лист посыпает
мне ветка,
как птицу, крыло
у которой сломалось.
И вздохи ноктурна
и запахи ветра
в окне занавеску вздывают,
как парус.

Но, пожалуй, предельно-
го слияния с первоисточни-
ком достигает Самойлов в
переводах А. Малдониса. Гар-
мония мысли и чувства, яс-
ность и умиротворенность, по-
рой скрывающие внутрен-
ний драматизм, — все это
характерно и для русского,
и для литовского поэтов:

Верь, трудное блаженство
минет вскэре.
Страданье обретет
жемчужный блеск.
Пребудет мысль и воля.
И во взоре
Лишь тонкий нож луны
блеснет с небес.

Вступив в свое седьмое де-
сятилетие, Давид Самойлов
полон творческой энергии,
поисков. Без сомнения, еще
не раз поразит воображение,
заденет сердца своих чита-
телей этот замечательный
Мастер и большой друг ли-
товской литературы.

Я. ШАУС.

* Давид Самойлов. Тень солнца. Вильнюс. «Вага», 1961.